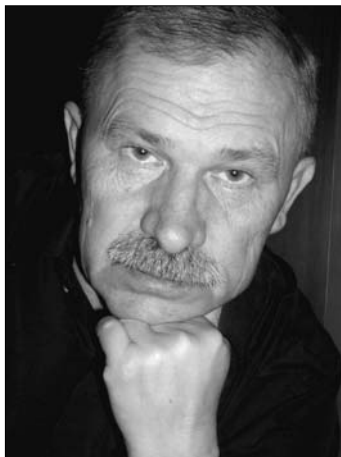

НИКОЛАЙ ИВЕНШЕВ

ЛЕЙТЕНАНТ НАРИЖНЯК

Наждак он теперь, лейтенант Нарижняк,
Он едет туда, где над пулей смеются
И шпалы грохочут: “И так, и растак...”
И дзенькает чайная чашка о блюде.
А был он Нежняк, а теперь — Наружняк,
Теперь вот окопы да мутные лица.
То встань, то беги, то пригнись, то приляг.
К войне не прибьется и не прислониться.
Шекспир невпопад. На войне веселей,
Когда отрывается сердце у дзота,
Когда отступает от дымных полей
Владычица боя — хмельная пехота.
И думал вот так лейтенант Нарижняк:
“Не может ведь Фауст храниться в патроне.
Он где-нибудь там притаился, “кулак”,
В немецком с бархоткою патефоне.
А враг, как свояк, он не любит бардак,
Он мёртвый — и то зажимает, как статуй,
Чужой с одноглазой орлицей пятак,
С готической крепко прокáленной датой.
Пробита шинель. И потерян Шекспир,
Но вот он, Берлин, вот он, Рейх, — головешка.
И шнапс не берёт. Не водяра — кефир.

ИВЕНШЕВ Николай Алексеевич родился в 1949 году в селе Верхняя Маза Ульяновской области. Окончил Волгоградский пединститут им. А. С. Серафимовича. Автор книг “За кудыкины горы”, “Портрет незнакомки”, “Казачий декамерон” и других. Член Союза писателей России. Живёт в ст. Полтавской Краснодарского края.

Дошла до Победы худая гармошка.
А Фауст? Дывись, лейтенант Нарижняк,
Дывись на капрон, на чулочки, на фрау.
Всего десять марок, а хочешь — за так.
Зачем тебе, дурень, занюханный Фауст?!”
Но Фауста нет. Он исчез. Он иссяк.
Затискана вусмерть его Маргарита.
Нежняк и наждак лейтенант Нарижняк
Задумчив, печален, как вся его свита.
Он едет домой, лейтенант Нарижняк.
Ему ещё надо для счастья детишек.
Он едет в холодный, дремучий барак
Уснуть над горой непрочитанных книжек.
Он всё-таки их зачитает до дыр,
До звона в ушах, до дрожания века...
Пехотного взвода крутой командир,
По первой профессии — библиотекарь.

НОВЫЕ РАНЫ

Газета та затёрта и засалена,
Залапана, зачитана до дыр.
Два ветерана тихо пьют за Сталина.
Начистив сапоги, надев мундир.
Укромно пьют, пробравшись огородами.
В глазах у них то радость, то печаль.
Бездетные, и Родина распродана.
Но мне вот их ничутьючки не жаль.
Сквозь нынешнее импортное крошево
Я вижу их другое естество.
В войне той много было и хорошего:
“Один за всех, и все за одного”.
Они любили так, как нам не любится,
Сражались всласть и целовались всласть.
Вот Ваня вспомнил тот состав “на Люберцах”,
А Саша, хоть “всурьёз прижмёт”, но власть.
И не было в стране такого холода,
Когда подуешь — и пристал язык.
Звенят медали на мундирах молодо,
Мундир, конечно, им давно велик.
Два мушкетёра пьют совсем не горькую:
“За Сталина, Победу, за Салют!”
Но по ночам их тонкими иголками
Совсем другие раны достают.

ПОСЛЕДНЯЯ СИГАРЕТА

Журавли улетели. Они не вернуться. Не плачь.
Лучше рюмку разбей. И походкой почти что солдата
Выйди ночью во двор. Руку сунь в прорезиненный плащ.
Сигарету достань, раскури её, дед, воровато.
Не печалься, Расул, и Бернес — не печалься. Вы там,
Где окопы и танки, и лупят по фрицам “катюши”.
Я ведь тоже взлечу журавлём к вам, братушечки, к вам.
Перед тем как исчезнуть, заткну свои ватные уши.
Жаль вот только её, что останется докуковать,

Фотографии прятать, креститься на угол, серея.
А потом каждый вечер кидаться ничком на кровать,
Ждать косую с косой. “Где плетётся?.. Наверно, стареет”.
Разлетелись сыны в города, а Ванюшка — в тюрьму,
Так и сгнула там его синяя татуировка.
Журавли улетели. Про это не скажешь тому,
Кто талдычит весь день в телевизоре складно да ловко.
Он чужак, и с него, как с гуся, лишь стекает вода,
А вот Настя, она? Ведь была она легче пушинки.
Понимала, где надо сказать, где — “не стоит”, где — “да”,
А сейчас что осталось от ветреной жинки?
Лишь три пальца в кресте. Но и это всё нафиг ему.
Журавли улетели, таща, словно в неводе, лето.
Ему надо осилить, всего лишь откинуть во тьму
Заслонившую дом эту злую, как пёс, сигарету.

БУРКА ЛЕРМОНТОВА

Понапрасну мы просим манны,
Соломон сказал: “Суета!”
Мы пропащие дети Тамани,
За душой у нас ни черта.
Он предвидел раздор по клеткам
И по атомам наш распад.
За тягучую в блёстках конфетку
Мы прода́ли вишнёвый сад.
Даже негативист Печорин
Сдвинул брови. Наружу — гнев.
Это — кровь осетинской школы,
Это вой, это стон, это рев.
А какую мы правду ввали
Лет пятнадцать тому назад
За портки под названьем “Вранглер”,
За свободу “Канкан” плясать.
И запели мы про баланду,
А не то чтобы “Ванька — встань!”
Мы слепые, мы контрабанду
Притащили к себе в Тамань.

...Ночь тиха. А утра сырые,
И асфальтовый путь блестит.
Над урочищем Фаногория
Бурка Лермонтова висит.